

значение, присущее ВЕ «факультет, учебное отделение». Дополнительные значения, отличные от общеанглийских в данном случае отмечаются у обоих дивергентов. Такие противопоставления следует называть противопоставлениями дивергентов с двусторонней локальной маркированностью. Примеры подобных расхождений встречаются гораздо реже, нежели дивергентов с односторонней локальной маркированностью.

Актуальность анализа аналого-дивергентных соответствий в American English и British English не вызывает сомнений, с учетом постоянного развития и взаимопроникновения этих двух национальных вариантов и, следовательно, настоятельной необходимости более полного их изучения и более полного понимания этих различий. Проведение подобных исследований чрезвычайно важно для понимания глубинных различий между двумя национальными вариантами литературного английского языка и способствует системному изучению английского языка в целом.

Источники и литература

1. H. L. Mencken. The American Language. An Inquiry to the Development of English in the United States. – New York: Alfred A. Knopf. –1937. – 770с.
2. Л.К. Жукова, Н. С. Смирнова. Windows on the USA. – Симферополь. – 2004. – 464с.
3. В.М. Жирмунский, Проблема социальной дифференциации языков. – М.: Высшая школа. –1967. – 258с.
4. А. Д. Швейцер. Литературный английский язык в США и Англии. – М., 1967. – 204 с.
5. Д. Брозович. Стандартные языки и сравнительный метод // Вопросы языкознания. – 1967. – №1. – С. 52–67.
6. Языкознание: Большой энциклопедический словарь / Под. ред В.Н. Ярцевой.– М., Большая Российская энциклопедия. – 1998. – 916с.
7. C. Davies. Divided by a common language. A British / American Dictionary PLUS. – Mayflower Press, Sarasota, Florida. – 184p.
8. Г. Д. Томахин. Реали-американизмы. Пособие по страноведению. – М.: Высшая школа. – 1988. – С.46–196.
9. Л. П. Жуковская. Типы лексических различий в диалектах русского языка. – М.: Высшая школа. – 1957. – 284с.
10. Г.Д. Томахин. По Соединенным Штатам Америки. Пособие для учителей. – М.: Просвещение. – 1980. – 176с.
11. E. Sapir. Dialect. Encyclopedia of the Social Sciences. – New York. – 1935. – 788с.
12. I.V. Arnold. The English Word. – М.: Высшая школа. –1986. – 296с.
13. Дубинец Э.М. Modern English Lexicology. Theory and Practice. Пособие для гуманитарных вузов. – М. Глосса-пресс. –2002. – 55с.
14. Г.Б. Антрушина. Лексикология английского языка – М.: Дрофа. – 2003. – 212с.
15. Longman Dictionary of American Language. – N.Y. Addison Wesley Longman. – 1998 – 824p.
16. The Oxford English–Russian dictionary by Marcus Wheeler. Reprint – М.: Барклай и Ко. – 1994. – 556с.
17. Oxford Dictionary of Phrasal Verbs by A.P. Cowie and R. Mackin. – Oxford. – 2000. – 512p.
18. Longman Dictionary of the English Language and Culture. – Addison Wesley, Longman. – 1998. – 736p.
19. Словарь наиболее употребительных синонимов английского языка. /
20. Литвинов П. П. – М.: Яхонт. – 2001. – 674с.
21. The New Oxford Dictionary of the English Language. – Oxford University Press. – 1997. – 470p.

Орехов Д.В., Лесова Н.С.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИНЦИПА «МЕСТНОГО КОЛОРИТА» В ЛИТЕРАТУРЕ ПУТЕШЕСТВИЙ

(на материале произведений А. Омер де Гелль и Ш. Монтандона)

Актуальность темы состоит в необходимости изучения функционирования понятия «местный колорит» в жанре «путешествия», активно разрабатываемом французской литературой 1820 – 1840-х годов. Поскольку экзотическая тема пользовалась особой популярностью во французской литературе, мы выбираем для изучения крымские «путешествия» А. Омер де Гелль и Ш. Монтандона, причем особое внимание останавливаем на наиболее «экзотичных» фрагментах. «Восточная тема, связанная с Крымом, в творчестве русских и зарубежных художников своеобразно преломлялась через Бахчисарай, – писал литературовед А. Бронштейн. – Это интересная проблема, которая, несмотря на обилие литературы, недостаточно изучена» [1, с. 121].

Новизна работы обуславливается не только привлечением в качестве материала исследования «путешествий» по Крыму (А. Омер де Гелль и Ш. Монтандона), но и попыткой систематизировать научные представления о «местном колорите». И стихотворения, и поэмы французской писательницы, а также путевых заметок Ш. Монтандона на русском языке до сих пор не было ни в Украине, ни в России. В работе используется первые публикации этих произведений как на русском, так и на французском языках. Они впервые становятся предметом анализа.

Отсюда цель работы – изучить приемы создания «местного колорита» и его функции во французской литературе путешествий по Крыму 1830 – 1840-х годов, что требует решения следующих задач:

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИНЦИПА «МЕСТНОГО КОЛОРИТА» В ЛИТЕРАТУРЕ ПУТЕШЕСТВИЙ (на материале произведений А. Омер де Гелль и Ш. Монтандона)

- выявить по литературоведческим исследованиям содержательные составляющие «местного колорита»;
- рассмотреть, как достигается с помощью «местного колорита» точность в изображении инонациональной культуры;
- на текстовом материале проследить, как соотносятся понятия «местный колорит» и «местная правда»;
- выявить особенности использования принципа «местного колорита» в «путешествиях» А. Омер де Гелль и Ш. Монтандона.

Местный колорит, или «кулер локаль» (франц. *couleur local*), – воспроизведение в художественной литературе особенностей быта, пейзажа и языка, свойственных сугубо определенной местности или области. Местный колорит придает внешнее правдоподобие художественному изображению, может усиливать правдивость деталей, своеобразие и колоритность речи персонажей и языка автора. Понятие «местный колорит» ввели в 20-х годах XIX в. французские романтики, провозгласившие в борьбе с классицизмом необходимость для литературы «колорита места и времени», иначе – воспроизведения национального и исторического облика описываемых событий, а также – интерес к житейской прозе и жизни низов [2, с. 790]. Автор статьи в Краткой литературной энциклопедии В.П. Аникин считает необходимым заметить, что «местный колорит» не разрешает идейных задач произведения и не может рассматриваться как самоценность, приводя при этом цитату Гегеля: «Чисто историческая верность в изображении внешнего, как, например, «местного колорита», нравов, обычаев, учреждений, играет подчиненную роль в художественном произведении, и оно должно отступать на второй план «перед другой задачей последнего – дать истинное, непреходящее содержание...» [2, с. 790]. Следует обратить внимание на то, что для Гегеля «нравы, обычаи, учреждения» не входят, по всей видимости, в «местный колорит» – все эти компоненты описания он перечислил как самостоятельные. Причем описание «местного колорита», нравов, обычаев, учреждений» – всего лишь описание внешнего, которое должно отходить на «задний план».

У писателей–сентименталистов местный колорит сводился к пейзажу, посредством которого воссоздавалась особая обстановка, способная воздействовать на чувствительность читателя (роль швейцарского пейзажа у Руссо); но в литературе романтизма МК приобретает несравнимо более широкую смысловую нагрузку. Писатели–романтики обращаются к воспроизведению МК стран других континентов или европейских стран, не захваченных еще буржуазным укладом. Можно также рассматривать МК как художественную особенность реалистического произведения, складывающуюся из показа специфики ландшафта, бытового уклада, говора и пр. описываемой среды и места. Здесь МК также помогает понять характеры и развитие действия [3, с. 207–208]. Отсюда следует, что МК должен пониматься не как неизменная художественная данность, а диалектически. Авторитетный советский ученый, автор ряда трудов по истории французской литературы Б.Г. Реизов отмечает стремление к многоаспектному пониманию явления МК, хотя некоторые литературоведы ограничиваются локальным определением МК при характеристике творчества отдельных писателей. Например, МК, по определению А.Д. Михайлова, – «экзотика, то есть, случайное и странное». Д.Д. Обломиевский понимает МК как «противопоставление современной цивилизации» [5, с. 339–341]. Е. Эткинд видит в МК «научно–этнографическую достоверность», но – одновременно – и «декорацию», «романтическую оперу», «блестки экзотики» и т.п. [8, с. 25].

«Под местным же колоритом подразумевали мы то, что в XVII веке именовалось нравами», – это писал П. Мериме, чувствуя, что понятие явно нуждается в конкретизации [2, с. 53].

По убеждению Е. Эткинда, Пушкин переводя Мериме, отбрасывал внешние признаки «местного колорита», блески экзотики и заменял их глубинными элементами, объяснявшими сознание действующих лиц. Его влекли к себе не декорации, а характеры, выраженные в стилистике речи» [2, с. 26].

Для школ, сменивших «пылающий романтизм» 20–х годов, для «школы здравого смысла», для реалистов 50–х годов, как и для натуралистов 60–х годов, МК стал предметом насмешки, одним из самых уязвимых положений романтической эстетики: любовь к пестрым костюмам и необычным декорациям, «раскрашенные картинки». Нельзя отрицать, что в эпоху романтизма МК был средством познания и изображения прошлого, т. е. научным так же, как и художественным, тесно связанным с романтической философией истории. МК заключался в воспроизведении не только быта, но и сознания народа, его нравов, традиций, верований и идеалов.

Конец XVIII – начало XIX вв. ознаменовались в литературе всплеском интереса к публикациям о путешествиях. В строгом смысле слова, к «путешествиям» отнесли все, что касалось воспроизведения впечатлений о новой стране: записки, мемуары, очерки, эпистолярный и пр. Говорить о жанровых условиях такой литературы не приходится: она была чрезвычайно разнообразной, подчинялась законам «читательской требовательности», а «востребованность» определялась новой исторической обстановкой.

В Краткой литературной энциклопедии дается следующее определение «путешествия» как литературного жанра: 1) описание путешественником (очевидцем) географического, этнографического и социального облика увиденных им стран, земель, народов и т. д.; мемуары или дневники путешественников; 2) художественный, преимущественно эпический жанр, сюжет и композиция которого восходят к построению и способам изложения документального путешествия [6, с. 86].

Исследователь жанра путешествий В.М. Гуминский [7] определил следующие типологические признаки «путешествия»:

1. Структура «путешествия» определяется по монологической организации его художественного мира: повествование ведется от первого лица и героя произведения – «путешественника»;
2. Противопоставление «своего» и «чужого» миров. «Свой» мир для путешественника – реальный центр, на который ориентируется путешественник, оценивая «чужой» мир;
3. Зависимость мира «путешествия» от действительности. Пространственно–временные измерения совпадают с действительным временем и пространством, сюжет заменяется маршрутом «путешествия», героем является автор произведения;
4. Восприятие и описание местности осуществляется под влиянием эпохи, слоя общества, национальности, литературного направления.

По определению В.М. Гуминского «путешествие» предполагает отсутствие вымысла в произведении, то есть, его сюжет зависит от действительности, сюжет – маршрут путешествия. Так, персонажи в «путешествии» должны быть реальными, чтобы читатель поверил в то, что путешествие действительно было. Описания пейзажей, быта и нравов в тексте путешественника самоценны. В литературе путешествий в отличие от художественной литературы описательный элемент превалирует над действием. В художественном произведении читатель готов к вымыслу, а в литературе путешествий автор пытается создать подобие жизни.

Популярность описаний Великих географических открытий усилила использование в художественной литературе приемов описания путешествий. Путевой очерк превратился в емкую литературную форму, в которой нашли отражение разнообразные грани духовного бытия (А. Ламартин, «Путешествие на Восток»), красочность южной природы и мистика восточных религий (путевые записки Т. Готье и Жерара де Нерваля), размышления о национальном облике, об истории и культуре страны («Рим, Неаполь и Флоренция», «Прогулки по Риму» Стендаля). В романе-путешествии XIX в. усиливается приключенческий элемент, в него входит фантастика, навеянная новейшими географическими исследованиями и достижениями науки и техники (романы Жюль Верна). Теперь «простой стиль путевых впечатлений» [4, 67] читатель предпочитает красочным романтической поэзии.

Успех жанра путешествия возростал, поскольку мир искал точных знаний, фактических новинок, и в таких условиях в литературном кругу Франции наскучили слишком романтизированные, зачастую неконкретные и недостоверные тексты. Это коснулось и текстов о Крыме.

Имя французской писательницы Адели Омер де Гелль почти забыто в русской истории литературы. Между тем в 1838 – 1842 годах она вместе с супругом Ксавье Омер де Гелль, горным инженером, принятым на русскую службу для изучения Юга России, путешествовала по Крыму, и материалы об этом путешествии можно найти в трехтомном сочинении супругов «*Les steppes de la mer Caspienne? Le Caucase? La Crimée et la Russie meridionale*» [8]. При этом «живописная часть» (то есть, литературная, а не научная) записок об этом путешествии принадлежит самой Адели Омер де Гелль, а научной занимался ее супруг. Кроме очерка, Омер де Гелль посвятила Крыму стихотворения и поэму. Найти произведения Омер де Гелль можно в журнале «Историческое наследие Крыма» как на французском языке, так и на русском языках (перевод стихотворный) [11; 25]. Характерно, что год пребывания супругов в Крыму не указан. Автор перевода и комментатор текста, опираясь на пометы в стихотворениях, предполагает, что это был 1841 год [12].

Актуален вопрос: как Адель Омер де Гелль, романтик по литературной ориентации, изображала инонациональные, малоизвестные ей типы в Крыму? Как и многие иностранные путешественники, поэтесса прежде всего изучала Россию по книгам, и первое впечатление о России получила из них. Широко распространенные во Франции в XIX веке многочисленные мифы, зачастую надуманные истории о дикости, варварстве «бородатого» народа, естественно, влияли на отношение иноземцев к русскому народу. Нетрудно найти во многих французских литературных произведениях явное преувеличение хладнокровной жестокости российских помещиков. Экзотический Восток оставался романтическим «притяжением» авторов даже 1840–х годов, когда романтическая школа во Франции практически утратила свои позиции и на смену ей утвердилась «натуральная школа» – школа реализма.

В многонациональном Крыму ищущая экзотики Омер де Гелль восхищается «экзотическим» населением: татарами и греками–арнаутом и находит облик греков–арнаутов весьма романтическим: «Группы матросов, арнаутов и девушек, столь же стройных, что и обитательницы греческих островов, медленно всходили по крутой тропинке, ведущей в крепость, тогда как другие, не менее живописные группы, окружали балалаечника, крикливый инструмент которого побуждал к танцу» [9, 192]. Наша путешественница воспринимает греков Крыма как народ поэтический, с античных времен сохраняющий и на чужой земле свои устои, традиции, красоту.

Экзотично для нее все, что связано с татарским населением. Посетив Ханский дворец, Омер де Гелль выразила свое восхищение архитектурой в арабском стиле, принадлежащей народу, «безусловно поэтически развитому». Восточный стиль «навевает воспоминания о сладострастных мусульманах, которые приходили сюда подышать свежестью фонтанов» [11, с. 196]. Голоса дервишей, сообщающие о часе молитвы, бляные стад, крики пастухов – все эти звуки французженка внимала с упоением, для нее они «были наполнены поэзией», а татарин, охраняющий кладбище (у Омер де Гелль – «приют смерти»), преподнесший ей букет, «подчинялся поэтическому чувству, которым восточные люди обладают инстинктивно» [9, с. 196–197]. Восторженности европейской писательницы нет предела. Даже на татарском кладбище ей «трудно впасть в мрачные раздумья», так как там «вдыхаешь воздух, наполненный благовониями, слушаешь шум воды, брызжущей из фонтана, ступаешь по дорожкам, окаймленным фиалками, заходишь в рощи сирени, где могилы скрываются под благоухающими гроздьями» [9, с. 197].

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИНЦИПА «МЕСТНОГО КОЛОРИТА» В ЛИТЕРАТУРЕ ПУТЕШЕСТВИЙ (на материале произведений А. Омер де Гелль и Ш. Монтандона)

«Согласитесь, что все это никак не может омрачить воображения», – писала Омер де Гелль, как бы не желая найти и отметить что-либо грустное и неприятное в идеализированной ею жизни татарского народа [9, с. 197].

Определенный интерес представляет стихотворение Омер де Гелль «Крым». Это вновь – «восточные картины», восточный колорит, увлекавший, как мы уже отметили, в ту пору всю Европу. Бесчисленные описания Востока были насквозь литературными, далеко уходящими от реальных черт. Восток предстал перед читателем не в качестве этногеографической конкретности, а как идеальный образ, поэтическая фантазия. Знания французских литераторов о Востоке были, как правило, весьма расплывчаты. Поэтому Омер де Гелль вводит в стихотворение лишь те черты восточного колорита, которые были привычны для французской поэзии и «ожидаемы» читателем той эпохи. Потому-то татарские женщины у Омер де Гелль не занимаются хозяйством, а бродят по тихой траве («Cheminer lentement sur le gazon muet»); не обсуждают вопросы быта, а курят кальян и беседуют исключительно о любви, при этом под покрывала на их лицах даже по ночам заглядывают лишь бестелесные духи.

Путешественница пытается быть исторически точной в передаче впечатлений, однако и здесь ее описание грешит излишней субъективностью. Прибыв в Симферополь, Омер де Гелль довольно критично отозвалась о его широких улицах, далеко отстоящих друг от друга постройках и вообще о местоположении столицы. Некогда процветающий при татарах город теперь «испорчен» для путешественницы скучными русскими, весьма «отстающими» во вкусе от восточного народа. С грустью гостя утверждает, что «при татарах Симферополь, второй город Крыма, служил резиденцией Калга-султану и в то время был украшен дворцом, мечетями, прекрасными садами, от коих сегодня сохранились слабые следы»: «Кривые улицы, высокие стены, розовые заросли сменило сдержанное единообразие русского народа. Этот город с полным правом можно упрекнуть за план, достаточно обширный, чтобы вместить в десять раз более домов, чем в нем есть» [9, с. 200]. Таким образом, в исторических картинах Омер де Гелль использует все ресурсы романтизма и реализма, что, думается, легко объяснить ее очевидной приверженностью к романтизму, с одной стороны, и возросшими читательскими запросами к документализму в описании истории, местности, памятников культуры – с другой. Впрочем, местный колорит и раньше предусматривал историческую точность в описаниях.

Шарль Монтандон, о личности которого известно, к сожалению, очень мало, являлся автором первого путеводителя по Крыму. Не удивительно, что именно француз первым обратился к такому жанру на «крымском материале». Французские литераторы и путешественники всегда проявляли большой интерес к инонациональному. Монтандон мог не сомневаться, что, во-первых, его книжка будет востребована во Франции как практический указатель для всех французских (или европейских, поскольку французским языком владела вся Европа) путешественников, а во-вторых, он обретет и широкого русского читателя, поскольку Крым оставался малоизвестным даже русским путешественникам. Об успехе издания свидетельствует тот факт, что путеводитель сохранился в библиотеке А.С. Пушкина с дарственной надписью Монтандона.

Автор путеводителя, как и Омер де Гелль, подробно описывает Бахчисарай с его минаретами и Ханским дворцом, постройками в восточном стиле, то есть, – национальную экзотику. Однако главная его цель – дать точную картину Крыма: «При его составлении я не искал подкупающих фраз, единственным желанием моим была точность; пустое изящество живописных зарисовок ничего не добавляет к тому, что есть; путешественник обо всем будет судить сам» [5, с. 69]. В отличие от Омер де Гелль, Монтандон стремится к фактографичности: описаний красоты татарских женщин у него нет, и татары у него не только кальян курят, но работают. Точность географических, исторических и экономических описаний Крымского полуострова подтверждает версию, что автор долго прожил в Крыму и, видимо, был купцом и предпринимателем. Книга ценна также подробным описанием маршрута Монтандона по Тавриде, весьма похожего на маршрут А.С. Пушкина в Крыму.

Национальные нравы Монтандон изображает без выпренности, максимально приближаясь к реальности, и потому у него встретим: «жалкое предместье», «навесы и домишки», «дикие крики», «нестройная музыка», «гам», «человеческий упадок в последней его степени». «Перед выехавшими на окраину города, которая имеет вид только жалкого предместья, – пишет Монтандон, – слева открывается большое количество навесов и домишек, прислоненных к склонам скал и заселенных цыганами, песни, дикие крики и нестройная музыка которых производит гам, отдающийся далеко в горах» [5, 80–81]. Путешественник, который любит *наблюдать* и «не боится оскорбить свою брезгливость при виде этих несчастных, едва прикрытых лохмотьями», сможет пройти среди закопченных жилищ: «Они представляют собой картину, говорящую о человеческом упадке в последней его степени. <...> Окна маленькие и с деревянными перепечинами; зимой их закрывают бумагой вместо стекол, которые никогда не используются. Если смотреть издали, то эти дома в зарослях зелени производят приятное впечатление, но вблизи они по большей части убоги» [5, с. 80–81].

В отличие от Омер де Гелль, Монтандон реалистичен в изображении татар: «Их упрекают в нечистоплотности, лености, недобросовестности, невежестве и тяге к разрушениям. В сочинении, предназначенном направлять иностранцев, посещающих страну, где этот народ (и только здесь) составляет 5/6 населения, полезно и в то же время справедливо рассмотреть, до какой степени обоснованно это мнение. Нечистоплотность, обычная спутница праздности и нищеты, – это черта, за которую на татар нападают самым справедливым образом; этот порок имеет у них иную причину, нежели в других странах;

он является следствием той цены, которую татары придают обладанию огромным набором подушек, матрасов, покрывал и ковров – вещей, которые всегда содержат паразитов и часто источают вредные испарения» [5, с. 85].

В отличие от художественной восторженности Омер де Гелль, Ш. Монтандон выбирает для своих описаний лишь небольшие детали экзотики, делая свой пейзаж «узнаваемым» для будущего путешественника. Например, о Бахчисарае он пишет: «Своеобычное расположение этого города, устройство его лавок, фонтанов, дворца, акрополей, мечетей и многочисленных минаретов, которые взвинчиваются всюду пирамидальными тополями, вершины которых четко выделяются на фоне изъеденных скал округлой формы и ослепительной белизны, – все это привлекает внимание и возбуждает воображение тех, кто посещает это место впервые» [5, с. 73].

В описаниях Монтандона есть элемент целесообразности, «утилитарности», они рассчитаны на путешественника, способного соединить в воображении пейзаж и жизнь аборигенов [5, с. 84].

Мы помним, как изобразила Симферополь Омер де Гелль. Вот описание Симферополя Монтандоном: «Старый город, в котором живут в основном татары, – это только узкие улочки с высокими стенами, что напоминает большинство улиц во всех азиатских городах. В новых кварталах улицы проложены хорошо, площади просторны, дома элегантны, из камня, что подразумевает достаток и наличие капитала» [5, с. 90]. Обратим внимание, что здесь автора увлекают не экзотические улочки, а, напротив, европейская перспектива города, Монтандон избегает романтической восторженности, присущей Омер де Гелль.

При изображении инационального в двух «крымских путешествиях» французских авторов мы наблюдаем разные изобразительные тенденции. А. Омер де Гелль придерживается романтической традиции в использовании «местного колорита»: стараясь поразить, удивить читателя, она сосредоточивается на экзотическом, оригинальном, красивом, подчас заметно отступая от реальности. А Ш. Монтандон в изображении инационального приближается к правилам «натуральной школы»: его национальные «картинки» призваны дать объективное представление о населении и нравах Крыма, полезные знания для будущего путешественника. В изображении национальной атрибутики, соответственно, оба автора идут своими путями. Так, Омер де Гелль «выбирает» предметы и детали национального быта, способные, опять же, вызвать удивление и заинтересованность читателя своей «странностью», отличием «восточного» от европейского. Монтандон старается познакомить читателя с элементами этнографических знаний, и потому его материалы интересуют не только среднего читателя.

Разножанровые модели литературы путешествий обуславливают различные «роли» пейзажа. В «живописном» путешествии Омер де Гелль мы наблюдаем «живописность», романтическое напряжение в пейзаже. И, напротив, в «Путеводителе» Монтандона, рассчитанном на «практическую проверку» описанного будущими путешественниками, автор стремится сделать акцент не на чувственном, эмоциональном начале пейзажа, а на объективности, что усиливает познавательный потенциал его книги.

И между тем в обоих случаях мы имеем дело с «местным колоритом», который мог выражаться в разных формах, причем в 1830–е годы манера Монтандона была уже гораздо более востребована, чем романтическая напыщенность Омер де Гелль. Реалистическая «весомость» «местного колорита» Монтандона, несомненно, была более прогрессивным литературным фактом, нежели романтическая направленность крымских впечатлений Омер де Гелль. И все же обе тенденции пока, то есть, на конец 1830 – начало 1840-х годов, «вписывались» в закономерности литературных поисков французских писателей.

Поставив целью изучить приемы создания «местного колорита» и его функции во французской литературе путешествий по Крыму 1830 – 1840-х годов, мы пришли к следующим выводам.

МК как явление романтической литературы понималось многоаспектно: это экзотика, верность в описании нравов, истории, пейзажа, языка и т.п. Но романтизм не мог обеспечить все более растущее желание читателя познать реальность.

Литература путешествий в значительной степени удовлетворяет потребность современников в расширении представлений о мире, «местный колорит» в литературе путешествий обретает все более отчетливые реалистические черты.

МК остается для литературы путешествий 1830 – 1840-х годов актуальным принципом письма, подчеркивавшим в большей (как у Омер де Гелль) или меньшей (как у Монтандона) степени экзотику, необычность описываемого края. Это соответствовало романтической традиции и читательскому ожиданию.

Слой общества, национальность, эпоха и литературное направление, к которым принадлежит автор «путешествия», влияют на его восприятие и описание местности в произведении.

В литературе путешествий читатель не сосредоточивается на сюжете, конфликте, характерах героев.

Автор «путешествий» готовит читателя к реальному изображению событий, используя живописные описания пейзажей, характеров и нравов народов, то есть описания «местного колорита». В литературе путешествий пространственно-временное измерение совпадает с действительными пространством и временем.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИНЦИПА «МЕСТНОГО КОЛОРИТА» В ЛИТЕРАТУРЕ ПУТЕШЕСТВИЙ (на материале произведений А. Омер де Гелль и Ш. Монтандона)

Источники и литература

1. Монтандон К. Путеводитель путешественника по Крыму/ Пер. с франц. В.В. Орехова, Л.Ю. Алексеевой, Ю.А. Гуровой. – Симферополь: Крымский архив, 1997. – 131 с.
2. Аникин В.П. Местный колорит // Краткая литературная энциклопедия./ Гл. ред. А.А. Сурков. М.: Советская энциклопедия, 1967. – Т. 4. – Слѳб. 1024.
3. Словарь литературоведческих терминов. / Ред. – сост.: Л.И. Тимофеев, С. Тураев. – М.: Просвещение, 1974. – 509 с.
4. Лансон Г. История французской литературы. / Пер. с фр. П. Морозова. – С.–Пб., 1897. – 280 с.
5. Обломиевский Д.Д. Французский романтизм. М.: Гослитиздат, 1947. – 355 с.
6. Шмидт Юлиан. История французской литературы. В 2-х т. – С.–Пб., 1865. – Т.1. – 495 с.; Т.2. – 395 с.
7. Гуминский В.М. К вопросу о жанре «путешествий» // Филология. – В. 5. – М.: МГУ, 1977. – 144 с.
8. Grève Clod de. Le voyage en Russie. Antologie des voyageurs français aux XVIII et XIX siècles. – P., 1990. – P. 1250.
9. Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2005. – №8. – 183–215.
10. Шахов А. Очерки литературного движения в первую половину XIX века. Лекции по истории французской литературы, прочитанные на высших учебных курсах в Москве. – С.–Пб.: Типография Тренке и Фюсно, 1894. – 370 с.
11. Эткинд Е. Французская поэзия в зеркале русской литературы // Французские стихи в переводе русских поэтов XIX–XX вв. / Сост., вступ. ст. и коммент. Е. Эткинда. – М.: Прогресс, 1969. – С. 1–41.
12. Hommaire de Hell Adèle. Rêveries d'un voyageur. Poésies. Orient, Russie et Moldavie. – P., 1846. P. 157; 197.

Попова М.Р., Лепина Р.А.

ЯЗЫКОВЫЕ РЕАЛИИ В ФУНКЦИОНАЛЬНОМ СТИЛЕ ПРЕССЫ И ПУБЛИЦИСТИКИ

Стиль прессы и публицистики, являясь своеобразным «камертоном» на социальные события, характеризуется спецификой структурно–семантической организации различных текстовых жанров. Предмет исследований германистов составляли лексические неологизмы, виды лексической связи контактного и дистантного характера [1; 2; 8].

Однако лингвистические наблюдения за расширением сферы употребления презенса, актуализирующего значение *Allgemeingültigkeit*, презенса футурального, а также *praesens historicum*, особенностей выражения временных отношений в его контексте, появления новых синтаксических структур реализации целостности текстов остаются за рамками исследования и теоретического обоснования. В связи с этим целью статьи является изучение языковых реалий в функциональном стиле прессы и публицистики на материале немецких периодических изданий. В постановку проблемы включаются также языковые условия употребления презенса в придаточных с союзом **als**, другой соотносительности временных форм в контексте «исторического» презенса, типизация в стиле прессы и публицистики синтаксических структур, реализующих двоякую направленность развертывания коммуникативной перспективы текстов. Многозначность презенса в синтагматике является общепризнанным фактом в теории немецкого языка [5, с. 84–88; 6, с. 48–50; 3, 225–226; 4, с. 147–148]. Коллектив авторов редакции «Дуден» в четвертом томе «Grammatik der deutschen Gegenwartssprache» последнего 12–томного издания подчеркивает, что понятие «настоящее время» не является «абсолютной, календарно определяемой величиной, а есть относительная величина, которая вновь и вновь реализуется во временном опыте говорящего/пишущего» [6 с. 146] перевод авторов). Важным в трактовании многозначности презенса является выделение всеми германистами *Präsens als Allgemeingültiges, futures Präsens* и *praesens historicum* [3, 4, 5, 6, 7, 8]. Но что касается употребления футурального презенса, то в этом случае германисты подчеркивают необходимость наличия наречий, переключающих действие в сферу будущности.

В результате проведенного нами анализа употребления презенса в текстах прессы и публицистики необходимо сделать вывод не только о том, что футуральный, исторический и презенс со значением «общепринятости» действия расширили свою сферу употребления, но и являются своеобразным средством, обеспечивающим связь между контактными предложениями и целостность текстов. Футуральный презенс употребляется и без наречий– «переключателей» действия в сферу будущности, если контекст «прозрачен».

Так, например, заключительное предложение главного редактора журнала «Stern» может содержать футуральный презенс:

Wir halten Sie auf dem Laufenden. – Мы будем держать Вас в курсе событий [“Stern”, 2004].

Типичной языковой формой, завершающей рекламное анонсирование книг, товаров, а также различных мероприятий, является футуральный презенс в предложениях типа: **Weitere Infos erhalten Sie unter: www ...** . Далее следует необходимый для информации сайт в Интернете. Имя прилагательное *weitere* служит своеобразным индексом будущности действия.